

РЕМИНИСЦЕНЦИИ РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЫ В НОВЕЙШИХ РОССИЙСКИХ ПРОЕКТАХ

Федосеева Дарья Владимировна,

кандидат архитектуры, доцент кафедры градостроительства,
Самарский государственный технический университет,
Россия, Самара,
e-mail: bakshutova94@gmail.com

УДК: 72.01

Шифр научной специальности: 2.1.11

DOI: [https://doi.org/10.47055/19904126_2024_3\(87\)_1](https://doi.org/10.47055/19904126_2024_3(87)_1)

Аннотация

Статья посвящена образам русской архитектуры в новейших проектах в России. Приводятся недавние примеры, проявившие актуальность тренда на воплощение локальной памяти и идентичности русской архитектуры: многие современные архитекторы и дизайнеры включают в свои работы мотивы традиционного русского искусства, используют материалы и приемы, позволяющие создать уникальную и культурно значимую эстетику. Рассматриваются теоретические аспекты работы феномена памяти и преемственности в традиционной русской архитектуре. Анализируются примеры современных проектов по характерным реминисценциям – образам традиционного жилища, сложной объемно-пространственной композиции, заимствованию отдельных форм и приемов. Делаются выводы о характере использования феномена культурной памяти в новейших проектах.

Ключевые слова:

русская архитектура, память, реминисценция, новейшая архитектура, идентичность

REMINISCENCES OF RUSSIAN ARCHITECTURE IN CONTEMPORARY PROJECTS IN RUSSIA

Fedoseeva Darya V.,

PhD (Architecture), Assistant Professor, Department of Urban Planning,
Samara State Technical University,
Russia, Samara,
e-mail: bakshutova94@gmail.com

УДК: 72.01

Шифр научной специальности: 2.1.11

DOI: [https://doi.org/10.47055/19904126_2024_3\(87\)_1](https://doi.org/10.47055/19904126_2024_3(87)_1)

Abstract

The article investigates the use of Russian architecture images in contemporary projects in Russia. Recent examples demonstrate a trend towards embodying local memories and Russian architectural identities: many of the contemporary architects and designers incorporate traditional Russian art motifs into their works, using materials and techniques that allow them to create a unique and culturally significant aesthetics. The theoretical aspects of the phenomenon of memory and continuity in traditional Russian architecture are considered. Examples of contemporary projects with characteristic reminiscences – images of traditional housing, complex spatial compositions, borrowings of individual forms and techniques – are analyzed. Conclusions are drawn about the use of the cultural memory phenomenon in contemporary projects.

Keywords:

Russian architecture, memory, reminiscence, contemporary architecture, identity

Введение

В последние десятилетия процессы урбанизации и глобализации продолжают наращивать темп и отражаться на структуре поселений по всему миру, в том числе в России. Реновация городской застройки, общественных пространств и бывших промышленных территорий, развитие транспорта в городах и агломерациях, появление новых высотных объектов и комплексов – все это несет на себе черты мировых глобализованных трендов, внося новый городской комфорт и прогрессивное начало. В то же время сегодня в России растет внимание к культурной памяти и интерес к реконструкции памятников архитектуры, исторических городов и общественных пространств. Среди примеров такие важные проекты, как Всероссийский конкурс лучших проектов создания комфортной городской среды среди малых городов и исторических поселений, фестиваль «Том Сойер Фест», музей наличников в Ульяновске, реставрация дома Маштакова в Самаре и др. Значимым архитектурно-урбанистическим событием стало празднование в 2021 г. 800-летия Нижнего Новгорода, в проектах для которого ярко проявлен локальный характер [1]. К 1000-летию Суздаля в 2024 г. разработана новая айдентика, рекламные конструкции и ярмарочные объекты. В Рыбинске согласно дизайн-коду, все вывески исторической части выполнены в дореволюционной стилистике. Интерес к памяти только усиливается с развитием локального туризма, в том числе в малых городах, где турист – житель мегаполиса – ностальгирует и ищет опоры в культурной памяти.

Сегодня большое внимание получают такие проекты как выставка дизайна «Трын*Трава. Современный русский стиль» (с 2018 г.), исследовательские проекты «Новый русский культурный код», «Орнамика», «Определитель русскости дизайна», чья актуальность набирает силу в условиях поиска локальной идентичности и создания уникального продукта, что связано, в том числе, с вопросами импортозамещения. Количество брендов одежды и предметного дизайна, вдохновляющихся традиционными русскими промыслами и искусством, неуклонно растет [2]. Архитектурное бюро Мегабудка в 2018 г. представило проект «Новый русский город» и воплощает в своих проектах «современный русский стиль» (по их собственному определению) [3]. Архитектурное бюро UNKВ 2024 г. оформило свой новый офис в «тереме» – отреставрированном здании особняка Шервудов в неорусском стиле в Москве (Н.Д. Бутусов, 1911). Во многих странах мира современная архитектура приобрела локальный характер, например в Скандинавии, Японии, Китае, Великобритании, Португалии, странах Персидского залива, где можно увидеть характерные особенности новейшей архитектуры. Российская архитектура, в 2000–2010-е гг. апробировав основные формообразующие идеи современной мировой архитектуры, в 2020-е гг. обнаружила тенденцию к поиску локальной архитектурной специфики и культурной устойчивости. Преемственность и памятование, важнейшие черты новейшей архитектуры, призваны обеспечить устойчивость, уникальную идентичность и локальную правомерность проектных решений [4].

Цель статьи – проанализировать новейшие примеры, отсылающие к прототипам традиционной русской архитектуры и определить актуальные образы-носители памяти. Не приходится сомневаться в том, что важнейшими прообразами многих новейших российских зданий являются достижения архитектуры XX в. (авангарда и модернизма, неоклассики, деревянного классицизма и других направлений). В статье рассматриваются объекты новейшей российской архитектурной практики, обращающиеся к образам традиционной русской архитектуры до начала эпохи авангарда. Культурным фундаментом архитектуры России как многонациональной и многоукладной страны является не только русская архитектура, известны примеры развития идей преемственности в архитектуре других народностей, как, например, мечеть в Альметьевске, Татарстан (ParsecArchitects, 2023). Границы исследования сосредоточены на образах традиционной русской архитектуры. Не вошли в анализ и объекты, использующие аналоги из русского зодчества, возведенные в других странах, например Павильон России на ЭКСПО-2010 в

Шанхае из 12 бело-золотых башен с этническими узорами (Л. Айрапетов, В. Преображенская), а также проект пяти русскоязычных школ в Таджикистане (Студия Артемия Лебедева, 2022).

Теоретические аспекты и интерпретации

Работа памяти и реминисценции в архитектуре прошлого века имели множество версий. В эпоху, когда основным проводником памяти и преемственности был стиль, в архитектуре Российской империи носителями национальной культуры были русский и неорусский стили. Искусство и архитектура авангарда восприняли много из традиционной культуры, преломив ее через призму нового века [5]. В эпоху неоклассики, архитектуры социалистической по содержанию и национальной по форме, формы русской архитектуры воплотились главным образом в проектах А.В. Щусева. Несмотря на общий абстрактный брутальный характер послевоенного модернизма в СССР, ряд объектов включают материализацию памяти: Ленинский мемориал в Ульяновске (Б.С. Мезенцев, М.П. Константинов и др., 1968.) и Музей Красная Пресня (В. Антонов, 1975), где сочетание старых деревянных домов и новых объемов активизирует работу памяти; ресторан «Палех» (архитектор неизвестен, Палех, 1970-е гг.) и ГТК «Суздаль» (М.А. Орлов, 1977), где силуэт, детали и аллюзии отсылают к образу традиционного русского жилища; здание Театра драмы в Великом Новгороде (В.А. Сомов, 1987), где проявились образы белокаменной новгородской архитектуры. В архитектуре постмодернизма переосмысление неорусского стиля можно увидеть в проектах нижегородской архитектурной школы, например в здании банка на Малой Покровской (А.Е. Харитонов, Е.Н. Пестов, 1996). На современном этапе материализация феномена памяти является одним из ключевых начал архитектурного произведения, в связи с чем происходит поиск актуальных реминисценций традиционной русской архитектуры, отложенный спецификой исторического развития в XX в. и сменой трактовки архитектурных образов преемственности в ходе истории [4]. Вопросами традиций и преемственности в русской архитектуре занимались Э.Э. Виолле-ле-Дюк, И.Э. Грабарь, А.В. Иконников, Е.И. Кириченко, Л.К. Масиель Санчес, А.И. Некрасов, И.Е. Печенкин, П.А. Раппопорт, В.В. Стасов, В.В. Суслов, Ю.С. Ушаков, А.В. Щусев и др.

Что же является главными образами памяти в русской архитектуре, актуальными для современной интерпретации? Национальные стили (русско-византийский, византийский, русский) складываются с 1820-х гг. в идеологических рамках «теории официальной народности», отвечая в то же время естественному процессу становления нации [6]. Наиболее распространенный – русский стиль (с 1870-х гг.) – отсылает к образам узорочья, допетровской архитектуры Москвы XVII в. С началом XX в. возникает неорусский стиль, для которого прообразом, аналогом становится уже не узорочье, а белокаменная архитектура древних Новгорода и Пскова. Так, память, выраженная в идее стиля, отсылала к совершенно различным архитектурным эпохам, «ведь само понятие “национальных форм” в архитектуре индустриальной эпохи определялось изначально не реальной преемственностью в отношении традиции домодерного зодчества, а конвенциональным решением считать те или иные формы обладающими такой преемственностью» [7]. Ясности в отношении образов культурной памяти не способствует диалектика самобытности и влияния зарубежных зодчих на русскую архитектурную школу на всех этапах развития, начиная с заимствования византийской каменной архитектуры в Древней Руси в X в. Сложность в понимании генезиса образов преемственности также вызывает взаимовлияние феноменов внутри русской архитектуры: каменного и деревянного, столичного и регионального, официального и народного, и других [6, 10].

По А.В. Иконникову, в русской архитектуре «преемственность принимала различные формы. Наследоваться могли типы зданий, принципы композиции, приемы строительной техники и

отделки или некие “знаки” – конкретные формы, связанные с определенным содержанием или историческими ассоциациями<...>. Обращение к наследию давнего прошлого в русской архитектуре имело, как правило, символический характер. Наследовались формы (или формальные признаки), несущие ассоциации с определенным этапом национальной истории, роль которого подчеркивалась идейной программой» [8, с. 369]. Среди важных преемственных черт русской архитектуры А.В. Иконников называет просторность, сложившуюся под влиянием протяженного ландшафта; скульптурную целостность композиции, отличную от ритмического строя западноевропейской традиции и повлиявшую на многие архитектурные эпохи; а также «пантеистическое отношение к природе как источнику прекрасного, созвучное языческому» [8, с. 11]. Для Э.Э. Виолле-ле-Дюка главными чертами русского искусства и архитектуры были религиозное чувство и локальный патриотизм [9, с. 115]. По И.Э. Грабарю, русской архитектурной школе свойственны не только всемирная отзывчивость, но и «непостижимая сила притяжения, не раз заставлявшая перевоплощаться в нее лучших представителей сильнейших культур Европы» [10, с. 5]. По Л.К. Масиель Санчесу русская архитектура не имеет общих кодов, актуальных на протяжении всей тысячелетней истории, однако наблюдаются устойчивые черты на малых промежутках длительностью в несколько поколений [6]. Можно предположить, что специфическое содержание культурной памяти в русской архитектуре будет определяться не суммой формальных приемов, а рядом качеств, динамикой развития, а также особой призмой восприятия. Так, бюро «Мегабудка» в своем провокативном «Определителе русскости дизайна» (2016) предложило 19 понятий, которые выступают ключевыми чертами наследования русской архитектуры. Среди них такие разные определения, как добротность, космизм, удаль, рассеянность или ностальгия [11]. Таким образом, при невозможности выделить вневременные формы и черты, характерные для передачи памяти и выражения преемственности в русской архитектуре, можно попытаться выявить востребованные сегодня образы и приемы.

Новейшие примеры реминисценций русской традиционной архитектуры

В новейшей российской архитектуре есть примеры работы с культурной, исторической, локальной памятью с помощью разных подходов и средств выражения памяти – исторических аналогов, палимпсестов территории (например, Молодежный сквер к Кинешме, ЦТР Ивановской области, 2020) или коллажа старого и нового (Образцовая хлебопекарня 1905 г. в Уфе, Проект-М, 2021) [12]. Рассмотрим новейшие примеры использования исторических аналогов – реминисценции русской традиционной архитектуры в актуальных проектах.

В ходе тысячелетней истории русской архитектуры основные черты преемственности, выраженные в особенностях школ, стилей и локальных традиций, материализовывались преимущественно в церковной архитектуре. Храмовое зодчество явилось записью исторического развития архитектурной традиции и новаторства. Сегодня после перерыва в создании культовой архитектуры в советское время, можно заметить, что новые здания церквей не являются той гармоничной смесью памяти и современности, которая до XX в. обеспечивала преемственность культурной и цивилизационной традиции. Можно отметить несколько отдельных проектов, развивающих тему исторических прецедентов на современный лад. Среди них, например, Никольская церковь в Повенце (Е. Шаповалова, 2004), где сочетаются память места и традиции Русского Севера; Музейно-храмовый комплекс в Тушино (СПИЧ, 2023), в котором соединились различные образы допетровской архитектуры; проект храма в Териберке, представленный бюро «Цимайло Ляшенко и Партнеры» на выставке «Арх Москва 2024», где предполагается соединение традиционного силуэта и деревянного каркаса с большой площадью остекления для создания актуального объекта-носителя памяти и преемственности (рис. 1).

Никольская церковь в Повенце,
Е. Шаповалова, 2004

Музейно-храмовый комплекс
в Тушино, СПИЧ, 2023

Проект храма в Териберке,
«Арх Москва 2024»,
Цимайло Ляшенко и Партнеры

Рис. 1. Современные проекты церквей, обращающиеся к феномену памяти.

Источники: https://kolland.art/data/uploads/2020/11/nikolskiy_hram_povenec_2.jpg ;
фото Константина Антипина; <https://tlp-ab.ru/main/54/>

Особое место сегодня занимают проекты, развивающие образ традиционного жилища – деревянного дома со скатной кровлей, украшенного резьбой. В проекте «Барнхаус со зверями» (Мастерская Лозинский и партнеры, художник Т. Корелякова, Ленинградская область, 2023) фасад из черного дерева покрыт резными орнаментами, которые возникают в местах, свободных от расположения ассиметричной композиции проемов. Ажурные изображения вдохновлены образами Русского Севера и переходят от абстрактных к анималистичным сюжетам. Многослойность и пышность традиционных наличников и карнизов смещена в пользу более сложной аппликации и ассиметричного коллажа изображений (рис. 2).

В проекте индивидуального жилого дома «Лодж А» (Hogomystudio, Ленинградская область, 2021) на побережье Финского залива, имеющего современную структуру в виде расходящихся трилистником объемов со скатной кровлей, один из фасадов получил традиционное прочтение с резными наличниками и причелинами. Основная плоскость стены выполнена из вертикальных реек, что вместе с черным цветом задает современную трактовку фасада и включает его в основную структура здания (рис. 2).

В ряде объектов образы традиционного жилого дома деконструируются и становятся частью многослойного коллажа архитектурной формы. Так, например, в офисном здании в Большом Саввинском переулке в Москве (Vigo2+2, 2016) применили фасад, представляющий наложение разнонаправленной деревянной обшивки, традиционных наличников, а также перфораций

«Барнхаус со зверями», Мастерская Лозинский и партнеры,
Т. Корелякова, Ленинградская область, 2023

Жилой дом «Лодж А», Hogomy studio, Ленинградская область, 2021

Рис. 2. Проекты, развивающие образ традиционного дома с резьбой.

Источники: <https://i.archi.ru/i/405027.jpg> ; <https://clck.ru/3BS6H7> ; <https://clck.ru/3BS6LM> ; <https://clck.ru/3BS6Jq>

и ярких цветных вставок (рис. 3). Применение наличников отсылает к расположенному напротив деревянному дому Котова 1878 г. постройки.

В жилом доме «DecoPattern House» (П. Костелов, Тверская область, 2013) традиционные резные элементы фасада (наличники и ставни) превращены в пиксельный или вышивальский паттерн, который пронизан белым каркасом с открытыми креплениями и распространяется по всему фасаду. Основная поверхность стены также разбита на деревянные плоскости с различными фактурами, что дополнительно усиливает эффект наложения элементов. В проекте «Черный хутор» (А. Розенберг, Подмосковье, 2002) в качестве элементов коллажа на фасаде «выступили» не декоративные элементы, а силуэт традиционной печи, внутри которого можно увидеть конструкцию дома – сруб. Другой пример, когда частью коллажа становится сам сруб – K4_cabin («SnegiriArchitects», Ленинградская область, 2020), где «контейнер», обшитый современными керамическими панелями, парит над бревенчатым основанием (рис. 3).

Офисное здание в Большом Саввинском переулке, Вуго 2+2, 2016

Жилой дом «Deco Pattern House», П. Костелов, Тверская область, 2013

Жилой дом «Черный хутор», А. Розенберг, Подмосковье, 2002

Жилой дом «K4_cabin», Snegiri Architects, Ленинградская область, 2020

Рис. 3. Деконструирование образов традиционного жилища в современных проектах.

Источники: <https://clck.ru/3B56Z5> ; <https://i.archi.ru/i/184918.jpg> ; <https://clck.ru/3B56jV> ; <https://i.archi.ru/i/402536.jpg>

Сразу несколько исторических аналогов и современных приемов воплотились в проекте «Частная усадьба в Суздале» (FORM bureau, 2017). Три существующих исторических дома были реконструированы и богато украшены деревянным резным декором. Здесь декор представлен в своем традиционном виде без современных трансформаций. Новые белоснежные объемы и кровля объединяют дом в единую сложную композицию, напоминающую одновременно застройку исторического города, многосоставные объемно-пространственные композиции деревянных теремов (как в проектах В.В. Сулова, И.П. Ропета, В.А. Гартмана), а также здания в неорусском стиле. Структуру дополняют башенки-лестницы и терраса с навесом, имеющая резную колонну (рис. 4). Пример иллюстрирует сочетание коллажного и аналогического подходов к материализации памяти, что может трактоваться как моделирующая тенденция формообразования [4].

Частная усадьба в Суздале, FORM bureau, 2017

Рис. 4. Коллаж «исторических» и новых объемов в проекте жилого дома.

Источники: <https://clck.ru/3BTw7S> ; <https://clck.ru/3BTw9o> ; <https://clck.ru/3BTwBk>

Тема сложной объемно-пространственной структуры из разных по размеру и форме объемов, продолжающей образы неорусского стиля (например, Ярославского вокзала, Ф.О. Шехтель, 1904, Храма Сергия Радонежского на Куликовом поле, А.В. Щусев, 1917) и архитектуры деревянных теремов наиболее ярко представлена в проекте центра гостеприимства в парке Кудыкина гора в Липецкой области (Мегабудка, 2021). Здание состоит из разновеликих объемов со скатной кровлей, установленных на общем стилобате, который из-за своей уступчатой формы нависает над ландшафтом, напоминая ладью. Объемы здания дополнены проемами в виде арок-закомаров, а также треугольников, отсылающих к наличникам церкви московского узорочья. Некоторые элементы напоминают печные трубы, а фриз из мелкой деревянной рейки также подсвечивает исторические аллюзии (рис. 5). Выполненный в черно-серебристом дереве, органично вписывающемся в ландшафт, весь объект складывается в единую структуру, подобную застройке исторического города. Самый высокий треугольный объем намекает на звонницу церкви в Токмаковом переулке (И.Е. Бондаренко, 1908).

Центр гостеприимства в парке Кудыкина гора в Липецкой области, Мегабудка, 2021

Рис. 5. Структура из разноформатных объемов с историческими отсылками.

Источники: <https://clck.ru/3BTwhx> ; <https://i.archi.ru/i/371120.jpg> ; <https://clck.ru/3BTwti>

Прием совмещения разнородных объемов также можно увидеть в проекте индивидуального дома в Шатуре (LeAtelier, 2016), где соединились образы традиционной и вернакулярной архитектуры. Комбинация из нескольких деревянных объемов со скатным силуэтом представлена в проекте Сельского фермерского рынка в Тульской области (Проектная группа «8 линий», 2017), общий образ которого отсылает одновременно и к традиции, и к деревянному конструктивизму ВСХВ 1923 г. (рис. 6).

Особую группу составляют объекты, для которых характерно использование одного или комбинация нескольких отдельных исторических аналогов – форм или элементов зданий. Гостиничный комплекс в парке Кудыкина гора по проекту бюро «Мегабудка» (2023) развивает тему

Жилой дом в Шатуре, Le Atelier, 2016

Сельский фермерский рынок в Тульской области, Проектная группа «8 линий», 2017

Рис. 6. Структура из разноформатных объемов с историческими отсылками.

Источники: <https://clck.ru/3BVBAe> ; <https://clck.ru/3BVBCh> ; <https://clck.ru/3BVBnK> ; <https://clck.ru/3BVBou>

идентичности русской архитектуры, предложенную в проекте центра гостеприимства, «особенно фокусируясь на культуре белокаменных построек» [13]. Здесь применены «галереи, ритм полуарок и сглаженные штукатурные грани» [13]. Белые стены прорезают окна-бойницы, «а в торцевом объеме проступает образ русской печи» [13]. Появляются здесь и упрощенные наличники, а также деревянные элементы и изразцы в интерьере. Возникает соединение нескольких архетипов-аналогов, взятых из исторической архитектуры. Элементы свободны от традиционной иконографии и трактуются вне своего обычного контекста, как, например, объемы-печи, которые становятся самостоятельными элементами структуры (рис. 7).

Рис. 7. Применение отдельных исторических форм и прообразов.

Источники: <https://clck.ru/3BTxjM> ; <https://clck.ru/3BTxmQ> ; <https://clck.ru/3BTxqA> ; <http://surl.li/vwhjhw>

В проекте здания музея «Куликово поле» в Тульской области (С.В. Гнедовский, 2016) структура вписана в ландшафт и продолжает планировочные оси существующего мемориала на Красном холме. Форма здания дополнена элементами с историческими отсылками. Белокаменные «крепостные» стены выполнены из кирпича со вставкой изображений гербов княжеств, которые участвовали в Куликовской битве; каменных панно, повторяющих сюжеты отделки храма Покрова на Нерли; древних камней, найденных поблизости; а также слепком новгородского креста, изготовленного в конце XIV в. в честь победы русского войска над Мамаем. Над «холмом» – заглубленным в рельеф объемом здания – темнеют древки копий, а также вторящих им световых фонарей и светильников (рис. 7). В проекте с современной деконструктивистской планировочной структурой применено несколько декоративных элементов и архетипов-аналогов, почерпнутых из исторических прообразов.

Сочетание разных исторических прецедентов и приемов можно увидеть в проекте нового музея московского кремля К5 в Средних торговых рядах на Красной площади (Меганом+Nowadays, 2015 – наше время). Авторы проекта трактуют новый музей как «сказочный остров Буян, по четырем сторонам света окруженный четырьмя городскими стихиями» (Красной площадью, Зарядьем, Гостиным двором и зданием ГУМа) [14]. Ассоциативный образ музея – нового здания, заключенного в периметр исторических Средних торговых рядов – построен на принципе вложенности, когда «иголка в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц спрятан в ларце» [14]. Исторический периметр выступает резным ларцом с новыми вставками – «инкрустациями». Внутренняя структура нового корпуса решена как масштабный свод, покрытый изнутри светлой керамической плиткой-чешуей. Фасад выполнен из белого глазурованного кирпича необычной формы (выкружки, валики, пирамидки, треугольники и другие формы, отсылающие к узорной кладке русского стиля), и складывается в абстрактный орнамент (рис. 8).

В проектах сочетается нескольких исторических прецедентов – аналогов, заимствованных из исторической архитектуры и искусства. Характерно, что эти формы трактуются вне своего обычного контекста и становятся новыми элементами – структурами, паттернами, объемами. Из допетровской архитектуры, к которой отсылает память о русской традиционной архитектуре, к сегодняшней эстетике ближе всего оказывается белокаменная архитектура древнерусских

Новый музей московского кремля K5 в Средних торговых рядах на Красной площади, Меганом+ Nowadays, 2015 – н.в.

Рис. 8. Применение отдельных исторических форм и прообразов.

Источники: https://youtu.be/6NnMsD_b33c ; https://prorus.ru/_manager/files/63a/1d9901199b/5.jpg

княжеств, переосмысленная уже в начале XX в. внутри неорусского стиля. В то же время находят свое применение отдельные элементы московского узорочья, ставшего вдохновением для русского стиля 1870-х гг..

Заключение

Рассмотрев новейшие примеры произведений российской архитектурной практики, отсылающие к культурной памяти, выраженной в образах традиционной русской архитектуры, можно предположить, что эта тенденция актуальна и получит заметное выражение в архитектуре России 2020-х гг. Памятование является одним из важных оснований устойчивости, преемственности, локальной адаптивности, необходимых сегодня сообществам и городам как в России, так и в мире. История и смыслы русской архитектуры прошли сложный путь развития, в результате чего сегодня сложно выявить конкретные формы и приемы вневременной преемственности. В настоящий момент можно лишь попытаться определить значимые особенности и ценности архитектуры, а также актуальные образы-носители памяти.

Традиционный путь передачи культурной памяти, сконцентрированный главным образом в храмовой архитектуре, прервался, с связи с чем на передний план выходят другие образы – традиционный деревянный жилой дом, компоновка из разнородных объемов (напоминающая одновременно терем, застройку исторического города или здания в неорусском стиле) и использование отдельных аналогов, форм. Композиция архитектурной формы, сегодня в большинстве случаев не имеющая религиозного содержания, становится комбинацией из различных аналогов и приемов, трактуемых свободно в русле формообразующих концепций новейшей архитектуры.

Большинство рассмотренных проектов стремятся воплотить не только память, но и современность, а также подчеркивают важность идеи взгляда в устойчивое будущее российской культуры (для которой также важно отразить ценности других народностей, что не вошло в анализ). Смелое использование аналогических форм, аллюзий и реминисценций может показаться отчасти манипулятивным и провокационным. Несмотря на это, существенным вкладом рассматриваемой тенденции может стать осмысление и развитие локальной идентичности и культурной преемственности российской архитектуры. Стремление к сочетанию традиций и современности способствует ощущению памяти места и самобытности в архитектурных проектах.

Библиография

1. Дuceв, М.В. Архитектурная среда Нижнего Новгорода – диалоги с идентичностью. Ч. 2. Обновленные рекреационные пространства / М.В. Дuceв // Приволжский научный журнал. – 2023. – № 1(65). – С. 187–192.

2. Каталог российских брендов одежды, обуви и аксессуаров // Новый русский. – URL: <https://clck.ru/3BNtC3>
3. Новый русский город // Megabudka: архитектурное бюро. – URL: <https://megabudka.ru/posts/1738>
4. Бакшутова, Д.В. Архитектурное воплощение феномена памяти в Новейшее время: дис. ... канд. архитектуры: 2.1.11 / Д.В. Бакшутова. – Нижний Новгород, 2022. – 222 с.
5. Федосеева, Д.В. Архитектура авангарда: взгляд через призму феномена памяти / Д.В. Федосеева // Архитектон: известия вузов. – 2024. – №1(85). – URL: http://archvuz.ru/2024_1/4/
6. Масиель Санчес, Л.К. Купола, дворцы, ДК. История и смыслы архитектуры в России / Л.К. Масиель Санчес. – М.: Individuum, 2023. – 559 с.
7. Печенкин, И.Е. Два «русских стиля», Владимир Стасов и один миф в истории русского искусства XIX века / И.Е. Печенкин // Актуальные проблемы теории и истории искусства. – 2021. – № 11. – С. 718-728.
8. Иконников, А.В. Тысяча лет русской архитектуры. Развитие традиций / А.В. Иконников. – М.: Искусство, 1990. – 386 с.
9. Виолле-ле-Дюк, Э.Э. Русское искусство: Его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность / Э.Э. Виолле-ле-Дюк; пер. с франц. Н. Султанов. – М.: Художественно-промышленный музей, 1879. – 319 с.
10. Грабарь, И.Э. Русское искусство. Первый и шестой том многотомника «История русского искусства» / И.Э. Грабарь. – М.: АСТ, 2023. – 627 с.
11. Определитель русскости дизайна // Megabudka: архитектурное бюро. – URL: <https://megabudka.ru/guide/>
12. Бакшутова, Д.В. Подходы к выражению феномена памяти в новейшей архитектуре / Д.В. Бакшутова // Архитектон: известия вузов. – 2021. – №1(73). – URL: http://archvuz.ru/2021_1/1/
13. Гостиничный комплекс // Megabudka: архитектурное бюро. – URL: <https://megabudka.ru/posts/2023>
14. Образ нового музея // К5 – Новый музей Московского Кремля. – URL: <https://k5.kreml.ru/chapter/obraz-novogo-muzeya/>

References

1. Dutsev, M.V. (2023) The architectural environment of Nizhny Novgorod – dialogues with identity: part 2. Renovated recreational spaces. *Privolzhsky Scientific Journal*, No. 1(65), pp. 187–192. (in Russian)
2. Catalog of Russian brands of clothing, shoes and accessories (2024). *New Russian* [Online]. Available from: <https://clck.ru/3BNtC3> (in Russian)
3. New Russian city (2024). *Megabudka: architectural bureau* [Online]. Available from: <https://megabudka.ru/posts/1738>
4. Bakshutova, D.V. (2022) Architectural embodiment of the memory phenomenon in contemporary history. PhD dissertation (Architecture). Nizhny-Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. (in Russian)
5. Fedoseeva, D.V. (2024) Avant-garde architecture: a view through the prism of the memory phenomenon. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, [Online] No. 1(85). Available from: https://archvuz.ru/files/N85_4_Fedoseeva.pdf (in Russian)
6. Maciel Sanchez, L.C. (2023) Domes, Palaces, Recreation centers. History and meanings of architecture in Russia. Moscow: Individuum. (in Russian)

7. Pechenkin, I.E. (2021) Two Russian styles, Vladimir Stasov and one the myth in a history of 19th-century Russian art. *Current problems of theory and history of art*, No. 11, pp. 718–728. (in Russian)
8. Ikonnikov, A.V. (1990) *A thousand years of Russian architecture. Development of traditions*. Moscow: Art. (in Russian)
9. Viollet-le-Duc, E.E. (1879) *Russian Art, its origins, its constitutive elements, its apogee, its future*. Moscow: Publishing house of the Art and Industrial Museum. (in Russian)
10. Grabar, I.E. (2023) *Russian Art. The first and sixth volumes of the multi-volume “History of Russian Art”*. Moscow: Publishing house AST. (in Russian)
11. *Determinant of the Russian design* (2024). Megabudka: architectural bureau [Online]. Available from: <https://megabudka.ru/guide/> (in Russian)
12. Bakshutova, D.V. (2021) Approaches to expressing the phenomenon of memory in contemporary architecture. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, [Online] No. 1 (73). Available from: http://archvuz.ru/en/2021_1/1/ (in Russian)
13. *Hotel* (2024) Megabudka: architectural bureau [Online]. Available from: <https://megabudka.ru/posts/2023>
14. *The image of the new museum* (2024) K5 – New Museum of the Moscow Kremlin [Online]. Available from: <https://k5.kreml.ru/chapter/obraz-novogo-muzeya/> (in Russian)

Ссылка для цитирования статьи

Федосеева, Д.В. Реминисценции русской архитектуры в новейших российских проектах / Д.В. Федосеева // *Архитектон: известия вузов*. – 2024. – №3(87). – URL: http://archvuz.ru/2024_3/1/ – doi: [https://doi.org/10.47055/19904126_2024_3\(87\)_1](https://doi.org/10.47055/19904126_2024_3(87)_1)

© Федосеева Д.В., 2024

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция - на тех же условиях»). 4.0 Всемирная

Дата поступления: 01.07.2024